

верхом», — заявляют ему. «Когда я надеваю сапоги, — ответил Ракан, — у меня делаются волдыри на ногах; к тому же я могу потерять двадцать тысяч дохода. Я велю нести за собой пшягу; если он упадет на меня, я стану защищаться. У нас с ним тяжба, а не ссора». Маршалы Франции сильно журнили этого честнейшего человека.

Самым большим горем бедняги было то, что старший сын его глуп, а младшего, на коего он возлагал все свои надежды, он потерял. Этот мальчик был пажом Королевы и любимцем герцога Анжуйского. Однажды он сказал своему отцу: «Я бы очень хотел, чтобы Месье уплатили шестьсот экю, что полагаются ему на мелкие расходы; в мне бы тогда кое-что перепало». Этот мальчик всё воровил носить шлейф Мадемуазель. Сперва ее пажы на это ворчали; она же им сказала, что всякий раз, как паж Королевы захочет оказать ей, Герцогине, эту честь, она будет ему весьма признательна. Итак, он продолжал делать по-своему; пажы Мадемуазель, взбешенные этим, заставили тогда самого младшего своего товарища вызвать его на дуэль. За то, что они собирались драться, обоим совершенно выпороли. Юный Ракан был как-то уполномочен товарищами попросить Королеву, чтобы им выдавались два «гусенка»⁹ вместо одного, ибо из тех двух, кои им полагались, королевский казначей одного «гусенка» удерживал. «Хорошо, — ответила Королева, — но вы сын г-на Ракана и потому получите ваших „гусят“ не раньше, чем попросите их у меня стихами». Все воображали, будто сыновья Ракана тоже поэты, и он никак не мог добиться, чтобы они носили другую фамилию. Отец написал за сына следующий мадригал, но написал его не в полную силу своего таланта:

Вам, о владычица, благоприятный рок
Вручил весны моей счастливейшие годы, —
Примите ж от меня и первый сей цветок
С тех склонов, где струит Пермос живые воды.
Когда бы получал в наследство от отца
Я вместе с именем и дивный дар певца,
Его назло врагам прославивший в отчизне, —
Вам вечность подарить стихами мог бы я,
Владычица моя,
Дарительница жизни.

Будучи в Париже по поводу одного процесса (1651), Ракан порой тосковал и не пропускал ни одного заседания Академии; он даже проникся к ней столь нежными чувствами, что уверял, будто, кроме господ Академиков, у него и друзей нет, а в страстном взят себе зятя г-на Шаплена, ибо ему казалось, что тот доводится зятем чуть ли не самой Академии. Однажды он заговорил там с Шапленом и, принимая его за Патрю, предложил отвезти домой, поскольку привез его сюда. Шаплен утрово отказался. Ракан выходит. Жена Ракана (она заехала за ним) спрашивает, когда они отъезжали уже на порядочное расстояние: «А где же г-н Патрю? — «Ах, — сказал Ракан, — видишь ли, я-то думал, что говорю